

Судьба распорядилась так, что в качестве первого заместителя по науке директора Института хирургии им. А.В.Вишневского я проработал с Владимиром Фёдоровым много лет. Иногда мы оставались после работы, разговаривали по душам и беседовали на самые разные темы. Это сблизило нас и помогло мне понять Владимира Дмитриевича как человека глубокого и цельного. Особенно мне импонировало его отношение к литературе. В.Фёдоров очень много читал и критично относился к прочитанному. Зная мою любовь и слабость к литературе, он часто приносил понравившиеся ему книги, чтобы потом их обсудить.

Любовь к литературе сопутствовала ему на протяжении всей жизни. В студенческие и первые годы работы врачом Владимир Дмитриевич учился на произведениях А.Чехова, В.Вересаева – как постигать науку, как стать настоящим доктором и не превратиться в обывателя и пессимиста. На формирование его как хирурга и учёного оказали влияние книги Н.Пирогова, Н.Блохина, С.Юдина, Б.Петровского, А.В. и А.А.Вишневских, А.Орлова и многих других ярких, маститых хирургов и учёных. Мне казалось, что никто лучше его не знает о жизни и творчестве великих отечественных и зарубежных хирургов.

Ведя активную хирургическую и общественную жизнь, Владимир Дмитриевич очень часто и много общался с видными хирургами и учёными нашего времени, которые оставляли неизгладимый след не только в его, но и в нашей жизни.

Владимир Дмитриевич в своих выступлениях и частных беседах с большой теплотой говорил о своих учителях: В.Маяте и И.Рыбушкине, которым он поклонялся до конца своей жизни.

Выражение, поставленное в заглавие этого раздела, часто звучало раньше в качестве разговорной характеристики 4-го Главного управления при Минздраве СССР и отражало ироническое или даже скептическое отношение многих людей, в том числе и врачей, к этому учреждению.

До начала работы в нём это выражение у меня также не вызывало особого протеста, хотя ответственность и напряжённость труда в нём мне были понятны, наверное, больше, чем многим другим: заведующий кафедрой, где я трудился, был сначала заместителем главного хирурга управления — академика Б.В.Петровского, а с 1965 по 1973 г. — главным хирургом «Кремлёвки», и мы, сотрудники по кафедре, хорошо ощущали напряжённость и очень интенсивную работу профессора В.С.Маята на этом поприще.

В клинику он обычно приезжал в 8:20–8:30 утра, спрашивал, какие трудности остались после дежурства, осматривал сложных по диагностике и состоянию больных и через 20–30 минут уезжал на правительственной «Чайке», сказав, что едет в «другую больницу» (нам всем было понятно — в «Кремлёвку», но он всегда говорил именно в «другую больницу»). Возвращался Валентин Сергеевич к 13 часам — читать лекцию или для проведения обхода, научной конференции и прочих дел.

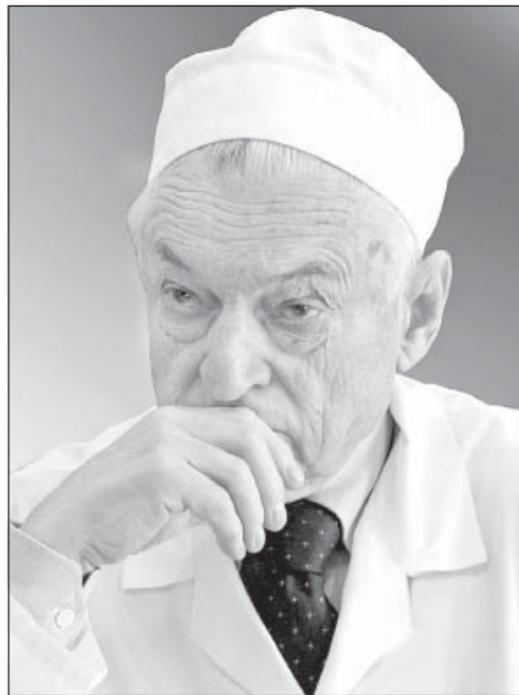
Один-два раза в неделю В.С.Маят оставался утром в клинике, оперировал, но потом всё равно уезжал в «другую больницу» и уже не возвращался.

Иногда мы, молодые сотрудники его кафедры, те, кто был на 20–30 лет моложе Валентина

Имена и судьбы

Он помнил наставления великих писателей и учёных

Завтра исполняется 80 лет со дня рождения знаменитого хирурга академика РАМН Владимира Фёдорова

Он учился всегда, везде, у всех и любое приобретённое знание употреблял во благо больного и своих учеников. Помня слова Н.Пирогова: «Мы все знаем, что нужно уважать стариков... но не все знают, что и молодёжь должно уважать... Уважайте Вашу

аудиторию. Помните, что всякий Ваш ученик — это будущий Вы!», Владимир Дмитриевич всегда жил по принципу: «Перед прошлым снимайте шляпу, перед будущим засучите рукава».

В Институт хирургии им. А.В.Вишневского Владимир Дмитриевич пришёл в 1988 г. в качестве директора, имея за плечами 32 года хирургического стажа, 16 лет работы в НИИ колопроктологии и 14 лет в 4-м Главном управлении. Будучи академиком АМН СССР, талантливым хирургом и учёным, он много

оперировал, читал лекции, писал статьи и книги, имел много учеников. Под его руководством защищено 47 кандидатских и 32 докторские диссертации. Он автор более 500 научных работ, 22 монографий.

Приход и начало работы Влади-

мира Дмитриевича в институте не был, как говорится, усеян розами. Мы все понимали, что результат работы нового директора будет виден не сразу. И очень скоро деловые и организационные качества Владимира Дмитриевича в сочетании с высоким профессионализмом и талантом хирурга сделали его непререкаемым авторитетом для сотрудников.

Он продолжал оперировать. Любил хирургию и больных, тяжело переживал неудачи, которые иногда у него случались. Сложные, иногда сочетанные, вмешательства, как правило, заканчивались успешно и приносили большое удовлетворение.

Мы часто присутствовали на его операциях и поражались его хирургическому мастерству, обдуманности действий, выносливости (операции длились по несколько часов). На наши комплименты его умению быстро и точно ориентироваться и иногда менять план операции Владимир Дмитриевич приводил слова С.П.Фёдорова: «Думаю, что темперамент, особенно в избытке, скорее вреден для хирурга и хирургии». Владимир Дмитриевич задолго до операции продумывал её ход, нюансы, которые могли возникнуть, взвешивал все «за» и «против». Он всегда помнил наставление Парацельса, который сказал, что

хирургу в первую очередь следует действовать умом и глазами, а потом уже руками.

Будучи загруженным административной и хирургической работой, Владимир Дмитриевич часто не мог уделить нам своего внимания в полной мере. Он любил свой коллектив, глубоко уважал всех и каждого в отдельности. В этом он стремился быть похожим на своего учителя профессора В.Маята.

Мне посчастливилось знать Майну Владимировну Фёдорову — жену, друга, соратника Владимира Дмитриевича, с которой он прожил большую жизнь и прошёл свой трудный путь в хирургии, начиная со студенческих лет. Владимир Дмитриевич любил своих детей и боготворил пятерых внуков и правнуков. Сейчас, если бы он был жив, у него было бы два правнука и две правнучки.

Закончить свои воспоминания я хочу словами философа Уильяма Джеймса: «... величайшая польза, которую можно извлечь из жизни, — потратить её на дело, которое переживёт вас!» Владимир Дмитриевич так и сделал, прожив богатую событиями жизнь с огромной пользой, оставив после себя большое научно-практическое наследие в хирургии.

Виктор МОРОЗ,
профессор.

Полы паркетные, врачи анкетные

Из книги воспоминаний В.Фёдорова «Жизнь хирурга»

Сергеевича, обменивались шуточными замечаниями: «Вот ведь как хорошо устроился шеф, его привозят и увозят на «Чайке»; он себя не очень утруждает, а мы тут оперируем, читаем лекции, нередко ночью приезжаем на консультации и операции». Однако мы все хорошо понимали, сколь серьёзную работу он ведёт в «другой больнице».

...В конце 1973 г. меня пригласили в управление кадров 4-го Главного управления, когда В.С.Маят уже подал заявление с просьбой освободить его от должности главного хирурга в связи с 70-летием.

...Я поехал домой к своему сотруднику в январе очень снежного года. Меня вызвали по мультитону и сообщили, что мой «дежурный» чемодан сейчас заберут из дома, а за мной посылают вторую машину, так как я должен вылететь в другую страну. Самолёт уже загружается пассажирами в аэропорту Шереметьево.

Через 10–15 минут за мной пришла машина, мы с большим трудом через заснеженную Москву добрались до аэропорта, подъехали прямо к трапу самолёта, двери которого были уже закрыты, и я в дублённой шубе

вошёл в него под осуждающими взглядами пассажиров, давно ждущих отправления. Только тут я узнал, что самолёт летит во Вьетнам, куда через 13 часов я и попал в своей дублёнке, выйдя в ней на посадочную полосу при 28° тепла.

Вскоре меня привезли в госпиталь, где лечением генерального секретаря компартии Вьетнама Ле Зуана уже занимались академик РАМН Н.А.Лопаткин, профессор И.В.Мартынов, один из ведущих анестезиологов В.П.Фоминых и другие наши сотрудники. Им потребовалось моё участие в лечении пациента.

Через несколько дней мы вылетели из Вьетнама, а потом получили подарки: кто-то — попугая какаду, а я — чучело крупной черепахи, которой и сейчас радуются мои внуки.

Вторым подобным примером может служить следующая ситуация. В сентябре 1983 г. проходил съезд хирургов Российской Федерации в Воронеже. Вскоре после начала первого заседания приехал один из секретарей обкома партии и сказал, что мне необходимо срочно вылететь из Воронежа по требованию из аппарата Ю.В.Андропова. Машина уже ждала у здания

театра, где проходил съезд, и секретарь обкома довёз меня до самолёта. Меня встретили на аэродроме в Симферополе и довезли до дачи, на которой отдыхал Ю.В.Андропов. За три года до этого я уже встречался с ним во время небольшой операции, которую делал ему Н.Н.Малиновский с моей ассистенцией. Кроме того, в феврале этого года мне довелось оперировать его жену Татьяну Филипповну, и тогда меня удивило, что лечащий врач семьи В.Е.Архипов не появился в операционной, несмотря на большую серьёзность операции. Потом я узнал, что такое отступление от обычного порядка было вызвано тем, что именно в этот день Юрию Владимировичу проводили первый сеанс гемодиализа, который потом совершали через день в течение целого года. Во время отпуска в Крыму гемодиализ проводили с такими же интервалами, но в день перерыва между сеансами Юрий Владимирович выехал на прогулку в лес, долго сидел на ветру и получил гнойное осложнение.

Я прилетел к Ю.В.Андропову первым, осмотрел его и объяснил необходимость операции и желательность переезда

в Москву. Моя рекомендация была обусловлена наличием у Юрия Владимировича почечной недостаточности, последствиями перенесённого в прошлом инфаркта сердца и необходимостью проведения гемодиализа в стационарных условиях (уже тогда в начале сеанса гемодиализа периодически появлялись эпизоды резкого снижения артериального давления).

Ночью из Германии прилетел Е.И.Чазов, твёрдо высказался за предложенную мною тактику, и мы вылетели на самолёте Ю.В.Андропова в Москву.

С самолёта пациент сразу был доставлен в больницу, где уже всё было подготовлено к операции, и мы вместе с В.А.Агейчевым в присутствии Е.И.Чазова, В.С.Маята и Н.Н.Малиновского оперировали председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Гнойная рана зажила очень медленно на фоне хронической почечной недостаточности и развившегося сепсиса (на фоне интенсивной антибактериальной терапии высевались лишь L-формы кишечной палочки при наличии выраженных воспалительных изменений крови).

К лечению пациента постоянно привлекались ведущие медики страны разных направлений, а также зарубежные специалисты. Каждый гемодиализ, проводившийся фактически в экстремальных условиях сниженного артериального давления и на фоне стабильной анемии, осуществлял член-корреспондент АМН СССР Г.П.Кулаков, а мы, хирурги, в течение четырёх месяцев ежедневно два-три раза в день осматривали и перевязывали Юрия Владимировича в отдельной операционной.